

Д.Довготелес, студентка,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗМА В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАЦУМЭ СОСЭКИ «СЕРДЦЕ»

В статье освещены вопросы влияния западной литературы эпохи реализма на формирование японской литературы, в частности роман Нацумэ Сосэки «Сердце» как пример сочетания принципов японской традиционной литературы и базовых принципов реализма.

Ключевые слова: реализм, Мэйдзи, Нацумэ Сосэки, натурализм.

Dovgoteles D., student
Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv

FEATURES OF THE REALISM IN JAPANESE LITRATURE IN THE NOVEL OF NATSUME SOSEKI «HEART»

The article highlights the impact of the western literature of realism to the formation of Japanese literature. Particularly the novel of Natsume Soseki «Heart» is explored example of combination the principles of purely traditional Japanese literature and basic principles of realism.

Keywords: realism, Meiji, Natsume Soseki, naturalism.

УДК 821.521'06

В. Зеленцова, асп., препод.
Днепропетровский национальный университет
имени Олеся Гончара, Днепропетровск

КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА В МАЛОЙ ПРОЗЕ АКУТАГАВА РЮНОСКЭ И ТАНИДЗАКИ ДЗЮНЪИТИРО

В центре нашего исследования концепция искусства и образ художника в произведениях Акутагава Рюноске и Танидзаки Дзюнъитиро. Компаративный аспект общей темы соотношения искусство-жизнь является неизученной страницей современного литературоведения. Наша задача – изучить подходы писателей к решению философско-эстетических проблем роли искусства, судьбы художника, осветить своеобразие интерпретации понятий «природа», «красота», «идеал», «искусство» в творчестве писателей.

Ключевые слова: искусство, художник, красота, эстетика, Акутагава, Танидзаки.

Творчество Акутагава Рюноске и Танидзаки Дзюнитиро постоянно привлекает внимание литературных критиков (Д. Кин, К. Кодзин, Т. Судзуки, Н. Липпит, К. Ито, К. Рехо), но исследователи, как правило, не обращаются к проблеме «соотношения искусство-жизнь» в творчестве писателей. Внимание западных и японских литературоведов преимущественно приковано к литературным дебатам этих выдающихся писателей XX века касательно бессюжетной прозы, структуры, композиции произведения. В работе киевского исследователя Ю. Осадчей, некоторые произведения Акутагава и Танидзаки изучаются в контексте эго-белле-

тристики [Осадча 2013]. Определенные параллели между концепцией искусства этих авторов можно найти во вступительной статье Т.П. Григорьевой к сборнику новелл Танидзаки Дзюнитиро «Похвала тени». В данной статье мы попытаемся изучить своеобразие концептосферы «национального японского искусства» в произведениях писателей.

К вопросам формирования японского национального искусства, концепции японской эстетики обращаются ведущие ученые всего мира (Р. Бенджамин, И. Хассан, Р. Барт, Т. Риммер, М. Марра, Китадзава Нориаки, Камбаяси Цунэмити, Ирокава Дайкити, Л. Гришелова, Н. Чегодарь, Н. Николаева, А. Мещеряков, О. Макарова). Нужно отметить, что с выходом в конце XVIII - начале XIX века ряда работ немецких философов Канта, Шеллинга, Гегеля, теория искусства получила новое дыхание во всем мире. Учение Гегеля в Японии было принято в интерпретации Эрнеста Феноллоза – американского философа-этнографа, преподавателя Токийского университета. После лекции Э.Феноллозы «Истинная теория искусства» (1882, 美術眞説) в японском языке закрепился термин «бидзюцу» - искусство (美術). В эссе Э.Феноллозы очерчены перспективы возрождения японского искусства, но более важным оказывается проблема взаимобмена, взаимобогащения искусства Востока и Запада. Особое место в своей теории искусства Эрнест Феноллоза отводит художнику. Во-первых, художник занимает особую ступень в обществе, поскольку может донести до всех такие высоты абсолютного духа, которые люди сами не могут представить в полном объеме, и может вдохнуть идею (основу всего сущего) в произведение искусства. Во-вторых, Феноллоза активно призывает японцев подключаться к изучению искусства, осознанию его важности и ценности. А кто как не художник возьмет просветительскую миссию во времена активного формирования национального сознания? Эти тенденции объясняют повышенный интерес японских писателей первой половины XIX века к теме искусства, роли художника в своих произведениях и возрастающую интермедальность в художественных произведениях.

Из первых попыток теоретических работ по искусству и эстетике (Миякэ Сэцурэй, Сига Сигэтака, Накаэ Тёмин) хочется выделить и остановиться на работе Ниси Аманэ «Объяснение науки об изящном» (1872). Один из базисов эстетики Ниси – особенность человеческой природы в умении различать красивое и уродливое [Магга 1999, с.28]. Отдельное внимание Ниси уделяет воображению человека как фундаментальному отличию между человеком и животным.

Многие историки, культурологи, искусствоведы оценивают деятельность ученика Феноллозы, Оакура Тэнсин («Идеалы Востока» (1903), «Пробуждение Японии» (1904) «Книга чая» (1906) как определяющую японское национальное искусство и даже национальное сознание японцев в начале XIX века. Оакура многие положения из теории искусства взял из работ учителя, но в отличие от западных философов и искусствоведов Оакура Тэнсин провозглашает самостоятельность японского искусства, которое не связано с всемирной историей искусства. Япония в его трудах предстает «музеем азиатской цивилизации». Сила японцев в умении заимствовать – преобразовывать – получать новый лучший продукт. В своей теории Оакура продвигает идею паназиатства; формирует критерии ценности японских предметов ис-

куства, отличные от западных, но способствующие формированию японской империи; отдельное положение отводит природе как уникальному месту формирования японского сознания.

Еще одно из западных течений, оказавших определенное влияние на творчество как Акутагава, так и Танидзаки, стал фрейдизм. Зигмунд Фрейд поделил психическую деятельность человека на сознательное и бессознательное. Выделение содержимого из бессознательного возможно в символической форме, в частности, в виде произведения искусства. Еще одним из механизмов познания истинных желаний человека – это анализ снов. Нужно заметить, что концепт сна занимает важное место в работах писателей модернизма и постмодернизма, в том числе в работах Акутагава и Танидзаки. Основная движущая сила психической деятельности человека – энергия секса и агрессивного влечения, которая преобразовывается в энергию творческую, и таким образом истинные желания художника раскрывают его произведения искусства (поздний этап творчества Танидзаки и роман «Ключ»). Фрейдизм оказал сильнейшее влияние как на само искусство XX века (в большей мере на авангардизм), так и на научные дисциплины, изучающие искусства (искусствоведение, музыковедение, литературную критику, эстетику и т.д.) [Бычков 2003].

Обратимся к разработке темы искусства в новеллах Акутагава Рюноскэ и Танидзаки Дзюньитиро с учетом рассмотренных философско-этических учений. Знаменательно, что многие сюжеты и идеи писатели заимствовали из китайских, европейских и русских произведений (особенно Акутагава), уже здесь мы можем проследить параллели с теорией Окакура Тэнсин, согласно которой японцам свойственно заимствовать – перерабатывать – получать качественно новое произведение искусства. Идеи Окакура об уникальности японской культуры, ее силе, доминировании зеркально отражены в новелле Акутагава «Усмешка богов» (1922). В центре событий – попытка европейцев привить христианство японцам во второй половине XVII века. Отец Органтино прибыл в Японию с твердым намерением просвещения, обращения японцев в свою веру, но в Японии его силы изменяют ему, оптимизм гаснет, растет ощущения невозможности сломить японский дух, «странная сила», чуждая ему, вступает в неравный бой с ним. «В этой стране, и в горах ее, и в лесах, и в городах, где рядами стоят дома, – везде сокрыта какая-то странная сила» [Акутагава 2000]. Особое место в произведении отведено японской природе, она живая и сильная и властвующая – автор еще раз обращает нас к идеям, систематизированным в учении Ниси Аманэ. Истинные страхи чужестранца раскрываются через видения-сны (концепт сна в фрейдизме). Неожиданная встреча раскрывает сущность японской нации и подтверждает опасения Органтино – христианство никогда не сможет доминировать в стране восходящего солнца. «Мудрецы Китая привезли в нашу страну также искусство каллиграфического письма <...> но мы одержали победу не только над иероглифами» [Акутагава 2000]. Идеи паназиятства Японии, пропагандируемые Окакура, нашли свое место на страницах произведений Акутагава. Но главная идея произведения заключена в следующих строках: «никто нас не победит, даже если придет в нашу страну так, как ваш Деусу» [Акутагава 2006, с.119]. Эти строки очень актуальны для Украины сегодня.

В сборнике эссе и отдельных высказываний «Слова пигмея» Акутагава проводит художественное исследование фундаментальных онтологических понятий: искусство – жизнь – смерть – красота – страх – любовь – ненависть – мораль – свобода – природа – идеал – мудрость – судьба. Искусство для Акутагава это естественная, необходимая как воздух среда обитания. «Разочаровавшись в делах человеческих, в искусстве они [художники], как правило, не разочаровались. Наоборот, при одном упоминании об искусстве перед их глазами возникают золотые видения, обычным людям недоступные» [Акутагава 1992]. Акутагава, как и Танидзаки, ведет полемику с идеей «искусства ради искусства» (Т.Готье, О.Уайльд): «Рьяные поборники искусства для искусства в большинстве своем импотенты в искусстве. Подобно тому, как рьяные националисты в большинстве своем люди, лишенные родины. Никому из нас не нужно то, что мы уже имеем» [цит. по: Григорьева 2001].

Осознание призвания художника, постижение силы красоты, муки творчества осмыслены Рюноске в новеллах «Муки ада» (1918) и «Мензура Зоили» (1916). Герой новеллы «Муки ада» художник Ёсихидэ вынужден писать картину ада с натуры – горящей дочери. Превозмогая боль, он завершает картину и кончает жизнь самоубийством. Акутагава не находит однозначного решения, утверждает неразрешимость дилеммы «жизнь-искусство». Как отмечает Макото Уэда, для Акутагава дилемма была неразрешимой: если художник выбирает место, где искусство стоит над жизнью, в конце он должен пройти через страдания разрушения своей жизни [Ueda 1976]. Искусство становится смыслом жизни. Художественное воплощение этой идеи у Акутагава – в слиянии поэтики лаконичности, стремлению к монохромности – его рассказы это хокку в прозе, – трагизм человеческой судьбы оттеняется буддийской иронией, для которой жизнь всего лишь иллюзия, а чем резче краски и контрастность, тем очевиднее иллюзорность. Умение Рюноске балансировать на той грани, где скупая выразительность передает внутреннюю правду, не исчерпывается заимствованием поэтики реализма. Здесь еще глубокая поэтичность японской художественной традиции, которая облекается в новую форму «western modernity».

Новелла «Мензура Зоили» – еще один эксперимент по художественному исследованию проблемы определения ценности искусства.

Герою новеллы снится страна Зоилия, в которой ценность предметов искусства измеряют приборами, установленными на всех границах страны, с целью предотвратить ввоз некачественных произведений. Дилемма «жизнь-искусство» приобретает новую трактовку, но теперь уже как проблема правдивости ценности и «ценности» правдивости в искусстве и жизни. Представление Рюноске о неотделимости искусства от жизни созвучно убеждениям Танидзаки Дзюнъитиро, который, полемизируя с представителями японского натурализма (сидзэнсюги), отмечал, что «искусство – не слепок действительности: оно само творит красоту, и потому красота, запечатленная в искусстве, должна быть живой» [цит. по: Григорьева 2001].

В произведениях Танидзаки движущая сила жизни и искусства – это демоническая женская красота. Вседозволенность и разрушительность такой красоты, вызывает страх и азарт. Герои Танидзаки, подчиняясь губительной власти красоты, ищут ключ к её тайне. Для героев ранних произведений Танидзаки – «Татуировка» (1910),

«Дьявол» (1912), «Шут» (1911), «Страх», «Любовь глупца» (1925) – правота красоты неоспорима, создается миф о красоте как высшей истине. Герои новелл Танидзакки осмыслиют красоту как смысл жизни, для них красота – это сила, уродство – слабость. Следуя эстетике Ниси Аманэ, Танидзакки подчеркивает воображение человека как уникальную способность разграничения красоты и уродства. Как и у Акутагава, постижение красоты у героев Танидзакки неотделимо от трагедии, в которой всегда участвуют мужчина и женщина. Мужчина-художник открывает непреодолимую притягательность темной женской красоты. Преклонение перед прекрасным и женщиной как его воплощением – тема, созвучная у Танидзакки в произведениях «Любовь глупца» (1925) и «О вкусах не спорят» (1928) с «Пигмалионом» Б. Шоу.

В 1927 году писатель возвращается к классической литературе, а во время войны занимается переводом «Гэндзи Моногатари» на современный японский. Это стало ключевым переломным моментом в творчестве писателя. Танидзакки начал следовать принципам и методам моногатари, теперь движущей силой живого для него становится моно-но аварэ или очарование вещей [Григорьева 2001]. В романе «Мелкий снег» (1943-1948) моно-но аварэ открывает путь к добру. Задача художника определяется как восстановление общности людей, он должен спасти их от потерянности, одиночества, отчуждения от природы.

И Танидзакки, и Акутагава высказывались за необходимость ухода от жанра ва-такуси сёсэцу (эго-беллетристики), однако оба проводили художественные эксперименты и в этом жанре (Акутагава Рюноске в произведении «Зубчатые колеса» (1927), Танидзакки Дзёюнитиро – в «Похвале Тени» (1934) и других), где объектом художественного освоения внутреннего мира героя выступает автор-художник: его психологическое ощущение окружающей действительности, критический самоанализ, субъективный анализ своей жизни, мыслей, чувств, бесконечные поиски правды и новых моральных ценностей, места искусства в жизни человека и общества, побег от одиночества. Также оба автора обращаются к дневниковой прозе: Акутагава пишет «Записки сумасшедшего», Танидзакки – «Ключ» (1956).

Интересно проследить параллели мужчины-женщина в работах Акутагава и Танидзакки. Герой произведений Танидзакки – слуга женщины и искусства, который демонстрирует полное преклонение перед силой женской красоты, ради искусства и под чарами женской красоты забывает обо всем на свете, готов пожертвовать жизнью. Строки из новеллы «Шут» – лишь одно из многих подтверждений этому. «Чтобы заслужить благосклонность женщины, он пытался угодить ей и никогда не вел себя, как подобает грозному мужу» [Танидзакки 1975]. Герои Акутагава всегда переживают борьбу разума и страсти, в сборнике «Слова пигмея» писатель уточняет, что «здравый рассудок приказывает: «Не приближайся к женщинам». Но здравый инстинкт приказывает прямо противоположное: «Не избегай женщин!»» [Акутагава 1992]. Похожую борьбу Танидзакки показывает в работе «Кирин».

В противовес стремлению Акутагава к поискам стандарта красоты в литературных дебатах, Танидзакки отрицает любые эстетические стандарты [Lippit 1980, с.57]. Искусство, как и человеческая история, развивается, прогрессирует и постоянно находит критерии оценки ценностей и существующую концепцию искусства. Однако

в «Словах пигмея» Акутагава смотрит на этот вопрос под другим углом: « Идеи не могут быть неподвластны времени. <...> Искусство подобно женщине. Чтобы выглядеть привлекательной, оно должно пребывать в согласии с духовной атмосферой или модой своего времени» [Акутагава 1992]. И Акутагава, и Танидзакки занимаются познанием сущности человека, но Акутагава курс держит на его внутреннюю сторону, а Танидзакки – внешнюю. Герои первого находятся в постоянном поиске души, которая сделает правильный выбор между добром и злом, второй – ищет красоту, которая даст истинное наслаждение. Оба автора уделяют большое внимание в своих работах процессу «вынашивания произведения» художником, прорисовывая в деталях муки, сомнения, терзания художника и прозрение-озарение – рождение произведения искусства.

Японская литература, архитектура, живопись, музыка выходит на новый уровень с приходом эпохи Мэйдзи. Философские учения Запада, в частности Гегеля и Фенелозы, и их восточные интерпретации Окакура Тэнсин и Ниси Аманэ концептуализируют понятие искусства и формируют устойчивый базис «национального японского искусства» в конце XIX – начале XX вв. Стремительный диалог и синтез искусств определили подъем феномена интермедиальности в творчестве многих писателей Востока и Запада, в том числе в работах Акутагава и Танидзакки.

Список использованных источников:

1. Акутагава Р. Павутинка: Вибрані новели / Рюноске Акутагава [пер. І. Дзюб]. – Львів: ЛА «Піраміда», 2006. – 232с.
2. Акутагава Р. Слова Пигмея [Электронный ресурс]: Рюноске Акутагава [пер. В.Гривнин] – 1992. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/RUNOSKE/pigmej.txt> - Название с экрана.<http://prodbnosti.ua/society/2004/03/02/105544.html>
3. Акутагава Р. Усмешка богов [Электронный ресурс]: Рюноске Акутагава [пер. Н.Фельдман] – 2000. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFANT/RUNOSKE/4a-22.txt>
4. Бычков В.В. Фрейдизм и искусство [Электронный ресурс]: Энциклопедия культурологи / В.В. Бычков. – 2003. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1138/Фрейдизм - Название с экрана.
5. Григорьева Т.П. Слово о писателе [Электронный ресурс]: Электронная библиотека / Т.П. Григорьева – 2001. – Режим доступа:http://royallib.ru/read/tanidzaki_dzyunitiro/pohvala_teni.html#0 - Название с экрана.
6. Макарова О.И. Формирование концепции «национального искусства» в культуре Японии конца XIX - начала XX века : дис. на соискание уч. степени канд. культурологии : спец. 04.2.01 0 6 2 62 7 « / Ольга Игоревна Макарова, - М. 2010. – 238с.
7. Осадча Ю.В. Японська его-проза ватакуші-шьюсецу: теорія, генеза, сучасний контекст / Юлія Володимирівна Осадча. – Київ: Наукова Думка, 2013. – 304 с.
8. Танидзакки Д. Шут [Электронный ресурс]: Дзюньитиро Танидзакки – 1975. – Режим доступа: <http://profilib.com/kniga/54234/dzyunitiro-tanidzaki-shut.php>
9. Karatani Kojin. Origins of Modern Japanese Literature / Kojin Karatani. – Durham: Duke University Press, 1993. – 220с.
10. Keen D. Modern Japanese Novels and the West / Donald Keen. – Charlottesville, VA: University of Virginia Press, 1961. – 48p.
11. Lippit N.M. Reality and Fiction in Modern Japanese Literature / Noriko Lippit. – NY: White Plains, 1980. – 232p.

12. Marra M. Modern Japanese Aesthetics: A Reader / M. Marra. – HI: University of Hawaii Press, 1999. – 336p.

13. Ueda M. Modern Japanese writers and the nature of literature / Makoto Ueda. – Stanford, California: Stanford University Press, 1976. – 292 p

В. Зеленцова, асп., викл.

Дніпропетровський національний університет
імені Олеся Гончара, Дніпропетровськ

КОНЦЕПЦІЯ МИСТЕЦТВА В МАЛІЙ ПРОЗІ АКУТАГАВА РЮНОСКЕ І ТАНІДЗАКІ ДЖІОН'ІЧІРО

У центрі нашого дослідження концепція мистецтва та образ митця у творах Акутагава Рюноске і Танідзакі Джюн'ічіро. Компаративний аспект спільної теми співвідношення мистецтво-життя є не вивченою сторінкою сучасного літературознавства. Наша мета – дослідити підходи письменників до вирішення філософсько-естетичних проблем ролі мистецтва, долі митця, а також висвітлити своєрідність інтерпретації понять «природа», «краса», «ідеал», «мистецтво» у творчості письменників.

Ключові слова: мистецтво, митець, краса, естетика, Акутагава Рюноске, Танідзакі Джюн'ічіро.

V. Zelentsova, PhD Candidate, teacher

Dnipropetrovsk National University n.a. Oles Honchar,
Dnipropetrovsk

THE CONCEPTION OF ART IN SHORT STORIES OF AKUTAGAWA RYUNOSUKE AND TANIZAKI JUNICHIRO

The research is devoted to the conception of art and artist figure in the works of Akutagawa Ryunosuke and Tanizaki Junichiro. The comparative aspect of the common subject of interrelation "art-life" is unstudied page of modern literary criticism. Our purpose is to investigate writers' approaches to solving philosophic-aesthetic problem of art destination, artist destiny; to highlight the peculiarity of interpretation of «nature», «beauty», «ideal», «art» concepts in the writers' stories.

Key words: art, artist, beauty, aesthetics, Akutagawa Ryunosuke, Tanizaki Junichiro.

УДК 82-1/-9 (521)

Т. Корчук, студ.

Київський національний університет
імені Тараса Шевченка, Київ

ЖАНР ЕСЕ В ЯПОНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

Статтю присвячено аналізу жанрових особливостей есе, підходу до визначенню цього жанру в європейській та японській літературах. Розглянуто питання доцільності визначення японського жанру дзуйхіцу як есе та простежено основні етапи розвитку цього жанру.

Ключові слова: есе, жанр, дзуйхіцу, нарис, художньо-документальна література.